

ромъ, Скупымъ рыцаремъ, Смертью Ивана Ильича, Жерминалемъ, пѣснями Беранже, Мадонной Рафаэля и красавицами Тиціана, музыкою Баха и Россини. Любовь, которую онъ чувствуетъ къ ближнимъ, побуждаетъ его служить нѣкоторымъ, немногимъ, страстно, до самозабвенія и быть готовымъ для другихъ, многихъ, только на небольшія услуги. Онъ не можетъ смотрѣть тѣмъ спокойнымъ безстрастнымъ взоромъ, который долженъ отличать перваго: взглядъ втораго выражаетъ все разнообразіе его душевныхъ движеній, всѣ переливы его настроенія.

Важно не то, что многіе, подобно мнѣ, отдадутъ предпочтеніе второму передъ первымъ; важно лишь уяснить себѣ, можетъ ли выработаться типъ въ духѣ Толстого. Историческая справка заставляетъ дать отрицательный отвѣтъ.

Прошло девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ огненное слово Христа нашло откликъ въ душѣ людей. Казалось, можно было ожидать, что небольшая община первыхъ христіанъ, быстро возрастая, охватитъ вскорѣ все человѣчество. Міръ того времени былъ во многомъ подобенъ нашему. Рѣзкія имущественныя различія, разнообразныя утонченныя потребности богатыхъ классовъ, жестокость властнаго меньшинства по отношенію къ массѣ, подавленіе личности государствомъ, увлеченіе богатыхъ наукой и искусствомъ—вотъ, что мы видимъ въ древнемъ Римѣ. А идеалъ первыхъ христіанъ имѣлъ сходныя черты съ тѣмъ, чего требуетъ Толстой: строгая умѣренность въ потребностяхъ, трудъ, направленный лишь на то, что необходимо для жизни, общность имуществъ, пренебреженіе къ праву частной собственности, безбрачіе или же строгое цѣломудріе въ супружескомъ союзѣ, отреченіе отъ выгодъ, которыя доставляетъ человѣку участіе въ государственной жизни. Конечно, слово Христа было болѣе властно, чѣмъ призывъ Толстого; оно почерпало великую силу уже изъ своей рѣзкой противоположности своду нравственныхъ понятій, по которому жили граждане древняго міра. За призывами Христа слышались голоса Его ближайшихъ учениковъ, а позднѣе—отцовъ церкви Восточной и Западной. Они напоминали людямъ о Евангельскихъ завѣтахъ, а въ частномъ быту являли примѣръ строгой жизни, примѣръ ненарушимаго соответствія поступковъ и словъ.

Не все ли было на лицо для того, чтобы міръ сталъ неузнаваемъ, чтобы греко-римская цивилизація поросла бѣльемъ и на ея развалинахъ расцвѣла истинно-христіанская культура? А между тѣмъ, человѣчество, услышавъ завѣты Христа, хотя и испытало съ этой стороны извѣстное вліяніе, крѣпко держалось за наслѣдство, полученное отъ греко-римскаго міра, и усердно пользовалось имъ при развитіи европейской, а позднѣе и американской гражданственности.

Можно объяснять это склонностью людей усваивать порочныя привычки, съ легкимъ сердцемъ отбрасывать то, что составляетъ высокое нравственное благо, и уступать тлетворнымъ вліяніямъ, которыми верхушки общественныхъ слоевъ заражаютъ массы. Но такое объясненіе было бы односторонне, а потому и неудовлетворительно; оно могло бы только истолковать отдѣльныя формы проявленія культуры, но не общій ея ходъ отъ простѣйшаго быта къ строенію, бесконечно болѣе сложному. Этотъ ходъ можетъ быть понятъ лишь подъ условіемъ, что мы признаемъ главнымъ двигателемъ природу человѣка, вложенное въ него хотѣніе развить всѣ силы и наклонности. Споря съ социалистами, Толстой, незамѣтно для себя, признаетъ то, что я считаю основнымъ условіемъ, которое приводитъ жизнь къ формамъ, все болѣе сложнымъ. Толстой не вѣритъ, что граждане свободнаго общества согласятся работать на началахъ детально раздѣленнаго труда: они не захотятъ, говоритъ онъ, суживать свою природу; они предпочтутъ развивать всѣ способности, которыя въ нихъ вложены. Толстой упускаетъ, однако, изъ вида, что это стремленіе человѣка—основное и вѣчное. Пови-